

Дух «дышит, где хочет»

Иногда он звонит «из глубины сибирских руд», из своего Белова — обычно посреди ночи, «в третью», когда и на шахте поспокойней и тише во круг — и от недлинного разговора с ним, подземным диспетчером, у меня всегда остается счастливое ощущение простора, высоты, вольной воли. Откуда вся эта благодать в мрачное наше время, когда иной раз кажется, будто и дышать уже нечем и открытыми, радостными глазами посмотреть не на что?..

Тут можно рядить и так и этак, но в итоге все равно выйдет: от Веры наших предков, от высокой памяти о них и том лучшем, что они нам оставили и пуще жизни, пуще «живота своего» завещали беречь.

Знакомство с Александром Курицыным состоялось для меня «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах Родины», о которых как раз и говорил, предупреждая многие наши будущие горести, Иван Сергеевич Тургенев... Сейчас, когда размышляю над строками, что пишу, думаю: «А может, и наши откровенные враги, и тайные недоброжелатели потому-то и начали теперь с разрушения родной речи, с осквернения языка, с попыток развенчивания великой русской литературы, что все это вместе взятое как раз и есть та самая «поддержка и опора», без которых немислима и народная жизнь, и само существование России?..» Хорошо знают, куда ударить, а мы, выходит, не защищены, мы, несмотря ни на что, все продолжаем душу держать открытой чуть ли не нараспашку... Это беда наша, но заодно и великое наше преимущество, ведь открытость в итоге — это и есть наш самый крепкий, наш самый надежный щит.

Дело было несколько лет назад в Новокузнецке. В теркоме — территориальном комитете профсоюза угольщиков концерна «Кузнецкуголь» — я листал шахтерские издания и в малоформатной газетке «На-гора», выходящей в Москве, на первой полосе увидел стихи «Нежданная война» — о Чечне. Справедливость суждений, точность оценок удивляли: это был честный, прямой, что называется, текст. Посмотрел коротенькую справку об авторе: Александр Курицын, шахта «Пионерка», Белово — земляк! Спасибо добрым телефонисткам из концерна: к вечеру они не только разыскали Курицына в его глухом подземелье, но и вывели к телефону, с которого можно было поговорить по межгороду. Горняк сказал, что давно собирается в Новокузнецк — подкупить «железок» для старого своего мотоцикла — и на следующий день мы с ним сидели в номере Новокузнецкой гостиницы.

Росла и росла стопка стихов, которые я хотел взять с собой, чтобы попробовать напечатать в Москве, и мне приходилось и удивляться, и радоваться: свои наблюдения из жизни глубинки Александр Курицын с горечью и с достоинством противопоставлял официальным речам столичных краснабаев, а то, чего они не хотели замечать у себя под носом, в Москве, он четко разглядел из своего сибирского далека.

Вот отрывок одного из стихов: «Дробят шахтовые суставы пожатыя банковских когтей. Все реже грузные составы уходят с подъездных путей. В мученьях умирают шахты, съедает ржавчина копры. И смрадом запустенья пахнут околовольные двory. Как остывающую лаву затягивает грязный шлак, шахтерскую былую славу забвенья покрывает мрак. Шахтерский труд теперь не в моде. Живут хапуги и рвачи. Шахтеры семьи переводят на безработные харчи. Их жизнь уныла и убога, их труд тяжел как смертный грех. Они ведь дальше всех от Бога — Он ближе к тем, кто выше всех. Но мы на Бога не сердиты. Не страшен шахтам гнев богов. В тисках грабительских кредитов они погибли от долгов. А с шахтами умрут поселки, и безработицы метла погонит нищих на проселки, отравит души ядом

зла. Погонит, как баранов, скопом на паперть, на панель, в тюрьму... Конец приходит углекопам. Россия катится во тьму.»

Самое, может быть, удивительное, что при всей мрачности отображенного им горняцкого мира Курицын не только не впадает в один из самых тяжких грехов — грех уныния, он свято и неколебимо верит в будущее: «Глупость ли наша или наша беда торит из России след. Дороги уводят только туда — обратной тропинки нет. Бегут, кто к родне, кто с обидой на власть, кого заели долги. Кто-то везет все, что смог украсть, кто — только свои мозги. И визитеров чудовищный штат, снующий туда «по делам», пятится с болью душевной назад, а мыслями все еще там. Кажется, двинулась вся страна эмигрантские визы брать, будто свобода была нужна лишь для того, чтоб удрать. Но те, кто остался здесь вековать, будут до хруста в спине склеивать, сваривать и зашивать дыры в российской мошне. Пóтом и кровью пропахнут года, но Русь зацветет, как сад... Не прозевайте момент, господа, чтоб повернуть назад!»

Поверьте, что у Александра Курицына есть вполне профессиональные лирические стихи, но меня больше интересовало полное благородного достоинства самосознание. Спросил Александра Ивановича: откуда, мол, эта включенность в общую жизнь России, откуда это ощущение нерасторжимой связи со всею большой Родиной. Курицын пожал плечами: «Разве все это — не само собой?.. Честно говоря, никогда не задумывался. Просто в школе очень любил историю и литературу. Учителя были хорошие и пристрастили к чтению — читал запоем».

Как это часто при напряженном размышлении случается, когда ты начинаешь прямо-таки притягивать к себе нужную информацию, именно в это время как бы между делом включил в гостинице телевизор и увидел на экране знакомое лицо. Прибавил звука и услышал сентенции представителя столичной литературной элиты Вячеслава Пьецуха: нынче, мол, со всей очевидностью стало ясно, что русская классика никогда не была учебником нравственности, так ничего своему

народу и не дала, и понятие «литература для народа» — вообще фикция. И писать, и написанное толковать — дело узкого круга интеллигентов...

Ох уж этот «узкий круг»! Ох уж эти «интеллигенты»! Как часто за этой хваленной «интеллигентностью» скрывается всего лишь полное отсутствие даже намека на самобытность: сжал вчера маленько с чужой деляны — нынче уже сеет как свое... Буквально назавтра бравший у меня интервью кемеровский журналист чуть ли не дословно повторил глубокомысленное заявление Пьецуха и с микрофоном подступил — как с ножом к горлу: надеюсь, мол, вы согласны?.. И мне даже не захотелось рассказывать, как в издательство, в котором мне когда-то довелось работать, хлопотать за Пьецуха приходил бывший его школьный учитель истории, известный впоследствии литературовед и философ Натан Яковлевич Эйдельман... Что сам Вячеслав тоже начинал преподавателем истории в школе.

Странная происходит штука: вместо того, чтобы осознать собственное бесплодие — и профессиональное, и последовавшее за ним творческое — нас пытаются убедить в несостоятельности русской классики, в бедности нашего нравственного наследия, в немощи духа. А ведь на самом-то деле все это является сегодня таким же фактором выживания, как экономика и политика, более того — составляет его первооснову — мощную, слава Богу. Доселе никем неодолимую. Полноценная жизнь вне нравственных координат, оставленных великими предками, невозможна, и во время всеобщей смуты это осознается особенно остро. Потому-то, наверное, и происходит невольная поляризация: одни именно нынче взбираются на пик собственного «я», а другие и в самом деле начинают ощущать себя всего лишь частью целого. Зато — **целого народа.**

Шахтерского поэта судьба не баловала. Попросил его написать коротенькую биографическую справку, и от нехитрых фраз, когда взялся их вечером читать, пахнуло вдруг почти былинной силой: «Родился в 1939 году в Степном Алтае в семье крестьянина Курицына Ивана Андреевича. В 1942 году, защищая Ленинград, отец погиб,

мать, Татьяна Степановна, осталась вдовой, имея на руках семерых детей. Всех вырастила одна и в 1990 году умерла». В Таштаголе, уже в Горной Шории, он закончил горнопромышленную школу и с 1958 года работал на «Пионерке» проходчиком. Одолея вечернюю школу, потом — техникум. Был горным мастером, начальником участка. Потом случился небольшой перерыв: в 1981 году прооперировали сердце — протезировали клапан — перенес то самое шунтирование. В 1982 году вернулся на шахту начальником техкомплекса, отработал еще восемь лет, получил пенсию по возрасту и с 1990 года пришел работать горным диспетчером. «Супруга Галина Павловна тоже работала на шахте. Сейчас она на пенсии. У нас с ней трое детей и трое внуков.»

От многих ли биографий широко известных людей веет таким спокойным достоинством? Кто из нас не забывает по имени-отчеству назвать давших жизнь отца с матерью, кто величает собственную жену: ведь это у нас преимущество «первых леди».

Сперва Александра Ивановича Курицына подержала «Роман-газета», которая недаром, пожалуй, называется: народный журнал. И с какой радостью рассматривал я потом сборник «Думы о России», который вдруг пришел из Кузбасса, несмотря на все наши горькие беды, книжку помог издать тогдашний генеральный директор ОАО «Беловоуголь» Анатолий Андреевич Старожилов. И впрямь: как в притворе восстановленного храма Христа Спасителя на стенах выбиты названия крупных банков, ведущих корпораций либо богатых жертвователей, так надо бы нам иметь повсюду благодарные синодики из фамилий этих мало кому известных подвижников, изыскивающих нынче средства на поддержание народного духа в провинции — тем более, что им приходится резать по живому, часто отдавать и в самом деле чуть не последнее.

Несмотря на то, что пришлось отложить срочные дела, мне радостно писать это предисловие к новой поэтической книге Александра Ивановича, потому что радостно сознавать: мои земляки-сибиряки хорошо понимают, что не хлебом еди-

ным жив человек, нет — доброе и правдивое слово, случается, бывает нужней. Посмотрите на всю эту нынешнюю суету новых столичных господ и всех тех, кто их за большие деньги так или иначе ублажает: несмотря на все приметы технического прогресса вокруг них жизнь их и их «деятельность» подчинены единственному — служению собственному брюху. А где-то вдалеке от сверкания ложных огней и звуков чужой музыки, над измученными полуживыми рабочими городами и поселками пробивается тихий свет неугасимого творчества, которое и есть тот самый Дух, который «дышит, где хочет». Не там, где господа пожелают — где поддержать страдающих решит Он — Сам.

Одна маленькая деталь, которая будет приятна землякам Александра Курицына, его почитателям. Два года назад журнал «Наш современник» готовил большую подборку стихов. Но потом умер заведующий отделом поэзии Геннадий Космынин, светлая ему память, какое-то время поэтическое хозяйство журнала оставалось без присмотра, а после в редакцию пришла «новая метла»: Юрий Кузнецов. Общеизвестно, что это один из самых талантливых и самобытных нынешних поэтов. Но я о другом: о том, что никакой торг с ним невозможен, никакие уговоры на Кузнецова не действуют, никакие авторитеты ни почем — знаю, как давний его товарищ и земляк по другим краям, по кубанским. И если посмотрите на подготовленный им в специальном, посвященном Кузбассу, выпуске «Нашего современника» раздел «Кемеровская поэзия», то с удовольствием увидите, насколько полнее многих давно признанных профессиональных сибирских поэтов представлен шахтер Александр Курицын.

Закончить эту маленькую статью мне хочется одним из недавних писем Александра Ивановича: «Что сказать о жизни в Кузбассе? Трудно живем. За два года работы зарплату в общей сложности получил только за один. Но дело ведь не во мне. Очень тяжелое положение сложилось на угольных предприятиях. Нет денег, а потому нет оборудования, нет даже спецодежды шахтерам. Нарезанные очистные забои по несколько месяцев

стоят без техники. Не хватает секций крепи, нет гидравлики, нет полотна для ленточных конвейеров. Собирают всякое старье по кусочкам. Чего же ждать от такого комплекса?.. Чего угодно, только не угля.

Коллективы деморализованы, люди ходят в шахту, повинуюсь инстинкту, выработавшемуся за долгие годы предыдущего труда. Ходят, несмотря ни на что. От безнадеги слабые спиваются, а те, кто покрепче, матерятся и терпят. И все-таки еще теплится слабенькая надежда, что правительство, наконец, образумится и не загубит окончательно шахты и шахтеров. Надеемся, что Бог не выдаст, Чубайс не съест».

К этому письму Александра Курицына приложен новый на то время стих: «У нас тяжелый труд и рабский быт. Нас унижают словно мы — рабы. Да, мы — рабы, но Божьи, господа. А вашими не станем никогда!»

Этим бы стихам да большой тираж, да громкое звучание по радио да с экрана телевизора — вместо высокопарной зауми обслуживающей власть поэтической столичной «элиты».

Гарий Немченко